

Л. Н. Андреев

Я говорю из гроба

<Глава из черновой редакции "Рассказа о семи повешенных">

Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3. Рассказы; Пьесы. 1908--1910 М., "Художественная литература", 1994.

OCR Бычков М. Н.

Бумага, составленная Вернером, была немедленно рассмотрена, но по отсутствию в ней каких-либо новых фактических данных, оставлена без последствий и приобщена к делу "о пяти".

По-видимому, писавший очень торопился и был взволнован: разгонистый, смелый почерк, в отдельных словах и буквах хранивший еще твердость начертания, часто ломался, становился крайне неразборчивым, и точно падали в одну сторону набегающие буквы. Некоторые слова не были дописаны; другие были выписаны крупно и четко и подчеркнуты резко; довольно большой кусок письма, ближе к концу, оказалось невозможным понять -- подчеркивания, вставки, неоконченные слова представляли собою грязный чернильный хаос, лишенный смысла.

Вот эта бумага.

"ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, неизвестный, по прозвищу Вернер, присужденный к смертной казни через повешение и повешенный в пятницу, 20 марта 1908 года от Рождества Христова (слова "от Рождества Христова" были зачеркнуты, потом надписаны вновь),-- умоляю людей понять, что смертная казнь никогда, ни в каком случае, ни при каких условиях не должна быть в человеческом обществе.

Меня я прошу не жалеть, я всегда был готов к смерти, и теперь, когда я понял, что такое смертная казнь, я ухожу из жизни с радостью и с необходимостью. Я понял и открыл в людях то, после чего нельзя мне жить так, как я жил, а другой жизни я не знаю. А понял и открыл я в людях то, что мозг у них маленький и заключен в железную коробку, из которой нет выхода. И понял я, что все люди -- немые, и языка у них нет, а то, что они называют своею речью, служит только для всеобщего обмана, и от этого люди живут хуже, чем звери, которые говорят и понимают глазами. И еще понял я, что все люди -- слепы и глухие и нет у них ни глаза, ни уха, а то, что они называют зрением и слухом, служит только для всеобщего обмана; и от этого каждый человек есть гробница правды, а между людьми ходит только Ложь. И от этого они видят жизнь и не знают, что такое жизнь; видят смерть -- и не понимают; видят человека -- и не знают, что такое человек.

Надо поторопиться. От того, что я увидел, я скоро стану совсем сумасшедший, и тогда я не пойму той правды, которая во мне. Правда же эта такая, что меня, человека, нельзя казнить.

Вот я в тюрьме, и если я стану кричать, то никто не услышит, и, может быть, придут сторожа и положат мне тряпку в рот, чтобы я не кричал. Но если бы я был на площади, днем, и тоже стал бы кричать, меня также никто не услышал бы, и может быть, посадили бы опять в тюрьму за то, что громко, а это все равно, что на площади, что в тюрьме. Вот я хотел вам объяснить, почему казнить нельзя, а теперь думаю, стоит ли, потому что вы все равно не услышите. Ведь очень возможно, что мертвецы в гробах тоже кричат, а кто их слышит? Вот они и гниют от этого. И я был живой, а теперь тоже мертвец -- и вы послушайте меня -- я говорю из гроба. Только, пожалуйста, не бросайте моей бумаги в ватерклозет, а лучше сожгите или разорвите.

Впрочем, может быть, людей вообще совсем нет, а это мне только показалось. Когда бьют часы... (Здесь несколько строк густо замазаны чернилами.)

Убивать совсем не то что казнить, это ужасная разница. Убийства есть везде, а казнь только у людей, и это делает людей самыми ужасными на свете. Мне все равно, убьют меня или я умру от тифа или старости, ведь все равно, до самой смерти я не буду знать, что умру. Даже когда я буду болен смертельно и мне скажут это, то у меня от жара и от болезни будет такое состояние, что я этому не поверю и до самой смерти не буду знать, что умру. А теперь я, не больной и без жара, знаю, что через